

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИОННОГО ПУТИ ФОРМАЛЬНОГО МЕТОДА В РОССИИ

Стаття присвячена хронологічній побудові етапів формування російського формалізму очами найпрогресивніших дослідників цього явища. Є намагання показати систему вихідних моментів, які є основою еволюції формального методу в Росії.

Ключові слова: лінгвістика, поетична мова, формалізм, художній твір..

The article is devoted to the chronological construction of the stages in the forming of Russian formalism from the point of view of the leading researchers of this phenomenon. An effort is made to show the system of those factors, that the reason of the future development of the formal method in Russia.

Key words: formalism, linguistics, poetic language, work of art.

История русского формализма как научного направления в лингвистике укладывается всего в полтора десятка лет, но нельзя забывать, что это были годы интенсивного эволюционного пути, направленного от футуризма к публичной науке, выраженной в теоретических и историко-литературных настроениях.

Установка на полемику – это, пожалуй, главная характерная черта формалистов. Общий пафос открытой полемики сопровождал становление и эволюцию формального метода с момента его провозглашения (1914 г.) по 1927 год, когда свобода полемики начала резко ограничиваться по политическим и идеологическим соображениям.

Актуальность темы исследования обозначена тем, что формальная школа, несмотря на короткий срок своего существования, прожила, по интенсивности своей, очень большую и яркую жизнь, значение которой для современной науки еще не до конца исследовано и оценено.

Цель исследования заключается в том, чтобы показать систему исходных моментов, явившихся основанием эволюции формального метода в России, реконструировать историю его развития, методологические основания этого направления, обозначить наиболее авторитетные точки зрения на данное явление в литературе и эстетике.

Попытка методологического анализа формализма была предпринята такими исследователями, как Б. Энгельгардт, В. Эрлих, И. Смирнов, Ханзен-Леве, О. Палехова, которые рассматривали динамику литературных и эстетических направлений как процессы преодоления абсолютности, традиционности.

Если формалисты обнаруживали произвольность отбора материала и его подчиненность методу, то исследователи формализма осознавали свое равноправие с исследуемым материалом. Ряд авторов указывают на то, что русский формализм возник из недр различных модернистских практик, в основном в области литературы и живописи. Безусловно, приоритет в этом вопросе принадлежит

кубофутуристической поэтике «зауми», послужившей резервуаром теоретической энергии формализма.

Формалисты использовали изобретенное футуристами «самовитое» слово в онтологически-лингвистическом смысле, поскольку в своем реальном функционировании слово, по мнению футуристов – это не только средство сообщения мысли, но и сама эта мысль, особым образом объективировавшаяся.

Если в фактическом языковом опыте понятию «заумного языка» не соответствует никакая особая языковая система, то это не умаляет его значения в качестве методологического принципа. Понятие «заумного языка» выражает лишь ту особую точку зрения, с которой приходится рассматривать поэтическое произведение как эстетический факт, раз мы признаем язык как систему словесной коммуникации: «Заумность не есть тот фактический предел, к которому на практике стремится поэзия, но всего на всего условное определение границ ее строгого эстетического озарения» [1, с. 68].

В качестве заумно-языковой структуры художественное произведение дано не как реальность, а как объект эстетического исследования.

Формалисты, исследуя цели эстетического толкования такого произведения, как вещно-определенная структура, считали, что наука имеет полное право воспользоваться понятием заумного языка в качестве рабочей гипотезы. Наука надеется с помощью «зауми» ввести в сферу систематического познания целый ряд новых фактов, не поддающихся изучению с иных точек зрения. Понятие «заумного языка» рассматривается формалистами как условный прием эстетического анализа литературного произведения: «Понятие заумности» поэтического произведения выросло как раз на почве формально-лингвистического подхода к литературным фактам и обосновывалось, да и теперь еще обосновывается, апелляцией к лингвистике» [2, с. 70].

Правота этого утверждения отчасти подтверждается тем фактом, что представители формального метода в литературе до самого последнего времени объединялись в общество с многозначительным названием: ОПОЯЗ, т.е. «общество изучения поэтического языка».

Преодоление обычного подхода к художественному произведению со стороны содержания потребовало решительного разрыва с традиционными формами восприятия и совершенно особой установки содержания; отражения тех напряженных усилий, которыми сопровождалось завоевание новых историко-литературных позиций, что привело к появлению острых полемик и нетерпимости первых выступлений формалистов.

Но по мере упрочения новых точек зрения, новых принципов и подходов, понятие «заумности» и «заумного языка» постепенно отодвигалось на задний план. Формалистам «заумь» была нужна лишь на первых порах, когда приходилось пробиваться к новому пониманию художественного произведения, к установке нового плана его рассмотрения. Когда же этот план был установлен, «заумный язык», как чисто критический принцип, оказался лишним в методике конкретного исследования и от него формалисты отказались.

С методологической точки зрения об этом можно пожалеть, т.к. «заумный язык», кроме всего прочего, выполнял еще и роль некоего фактора, отпугивающего от формалистов всякого рода «попутчиков», опасных своим эклектизмом, стремлением совмещать несовместимые принципы исследования. Это «пугало» пригодились бы формалистам и для установления собственных границ исследования, т.к. для всякого направления, всякой школы существенно важен вопрос не только об ограничении себя от других течений, но и о самоограничении. Но поскольку формалисты пытались предельно расширить сферу своих исследований, именно это и стало в дальнейшем одной из причин распада русской формальной школы. На наш взгляд, восстановить хронологию развития формального метода в России возможно лишь при условии обозначения и истолкования некоторых базовых принципов, положений, характерных для определенного этапа развития формализма.

По мнению Б. Энгельгардта, например, формальная школа на первых порах «сосредоточила свое внимание преимущественно на анализе фонетических особенностей поэтического языка, усматривая в них едва ли не доминанту эстетически оформляемого слова (статьи: В. Шкловского, Е. Поливанова, О. Брика, Л. Якубинского и др.)» [2, с. 76]. Позже, по мнению Энгельгардта, началась разработка вопросов поэтического синтаксиса, композиции и сюжетологии, что отразилось в статьях тех же В. Шкловского, Ю. Тынянова, В. Жирмунского и др. И только позже в работе Ю. Тынянова «Проблемы стихотворного языка» был поставлен вопрос «об особенностях номинативного значения слова в его эстетической функции» [2, с. 5].

Публичная полемика, унаследованная от футуристов и присущая формалистам на протяжении всего времени их существования как школы, подталкивала их к постоянной рефлексии над собственным методом, что способствовало появлению множества работ, в которых опоязовцы выступали с обоснованием своих научных принципов, теоретических и историко-литературных построений. Формалистам того периода присуще резкое отрицание «старой», академической науки, желание отмежеваться от своих предшественников и от современных им оппонентов-марксистов, социологов и всех, кто следовал традиционным путем в искусстве.

В 20-е годы борьба различных объединений и группировок, таких как РАПП, ОПОЯЗ, за право представлять «подлинное» искусство, новую литературу, была ожесточенной и бескомпромиссной. Борьба шла не только за истинность научных утверждений, но и за первенство, главенство школы. Глубокая убежденность формалистов в своей исключительной правоте, в истинности своего знания о потребностях современности делала практически невозможным ни интеллектуальное, ни организационное сотрудничество формалистов с другими литературными направлениями и объединениями, что привело в дальнейшем формалистов к научной изоляции. Внешнее отмежевание позже привело и к теоретическому разобщению и в среде самих формалистов. Даже основатели формальной школы: Эйхенбаум, Шкловский и Тынянов – не находили общего языка по некоторым вопросам.

В середине 20-х годов основными оппонентами формалистов были марксисты, такие, как А. Воронский, В. Полянский, В. Фриче и др.

В. Эрлих отмечал: «Пока марксистская теория литературы не превратилась в застывшую догму, немарксистские ереси, такие, как формализм, еще имели право на существование» [3, с. 15]. Формалисты, уверенные в своей литературной правоте, выступая на скандальном диспуте «Марксизм и формалистский метод», не только провозглашали свои идеи, но и само существование формальной школы подвергали анализу и историческому осмыслению. Б. Томашевский в своем докладе убедительно обозначил этапы развития формализма от его зарождения в 1910 году, в виде реакции против философской эстетики символизма и старой академической науки, до самого распада школы. Он излагал переход формальной школы от проблемы поэтического языка и роли звукового момента к поэзии и изучению композиции художественных произведений, проблеме сюжета, затем к вопросу о смене литературных форм и о роли так называемого содержания.

Томашевский, обращаясь к оппонентам, говорит: «Я прошу понять формальный метод. Русский формализм возник как реакция на традиционные приемы русской истории литературы: биографические, публицистические и философские» [4, с. 42]. Противопоставляя формализм философской школе в литературе, представленной символистами, Томашевский отмечает, что философская школа искала в литературном произведении материал для построения религиозных доктрин: «Под именем «содержания» определялись звуковые идеи, идейная сторона вообще. Под формой – язык, ритм – сторона материальная. Легко понять, что «материальным» пренебрегали в пользу «идеального». Казалось удобным, говоря о произведении, извлекать из него некоторые элементы и трактовать их вне связи с литературой, игнорируя их специфические литературные черты... Новая школа приступила к изучению проблемы «формы» и «содержание» стала отрицать. Каждый элемент произведения изучался как элемент ритма и языка. Противопоставление поэтического и практического языка явилось отправным моментом в работах формалистов» [4, с. 52]. Далее Томашевский рассматривает, как развивались идеи формалистов в полемике с представителями других школ и направлений в литературе.

В полемике с представителями *биографической* школы формалисты утверждали, что для понимания произведения искусства достаточно того, что дано автором. Для истинной оценки литературного произведения необходимо учитывать лишь то, что вложено в произведение самим автором.

Оспаривая утверждения представителей *публицистической*, школы формалисты настаивали на том, что литературное произведение – плохой документ, реальная жизнь в литературе сильно искажается.

На этом этапе появляется вульгарный формализм, изучающий «только форму».

Формалисты на первый план выдвигают проблему «приема» и провозглашают его средством познания литературы как эстетического факта.

Томашевский в своем выступлении отметил, что «для первого периода характерно изучение отдельных проблем поэзии, пишут о ритме, о сюжете. Не будем говорить, что это вредно, нет, это было полезно – на известной стадии развития формализма, но это затормозило его развитие».

Движение ощутилось снова, когда пришли к проблеме интегрального выяснения литературного явления» [4, с. 22].

Формалисты, поначалу отрицавшие всякую связь литературного творчества с реалиями времени, на более поздних этапах своего развития признают неотвратимость взаимосвязи методов, материала и времени. В 1927 году Шкловский пишет статью «В защиту социологического метода», являющийся письменным вариантом основной части его доклада на диспуте, где прозвучал его эмоциональный призыв: «Мои друзья! Не может быть, чтобы только мы шли в ногу, а время не в ногу. Время не может быть виноватым. Мы должны найти ответ на заказ времени и создать настоящий социологический метод!» [5, с. 27]. Шкловский отмечает, что он взял под защиту социологический метод, так как литература, на его взгляд, должна изучаться как социальное явление. При изучении литературы важно не то, как писать, а вопрос материала, темы и новый вопрос: что такое литературный труд, какие связи существуют между литературной эволюцией и материалом, который ее окружает: «Я перешел к выяснению законного отношения между эволюцией и генезисом. Новый материал дает новое подкрепление для того, чтобы вывести научное литературоведение из прежнего положения, как доведенное до некоторого момента и требующее поворота» [5, с. 37].

Спустя семьдесят лет, австрийский профессор Ханзен-Леве в своем фундаментальном исследовании «Русский формализм» делает попытку методологической реконструкции развития формализма на основе принципа «остранения», введенного в России В. Шкловским, являющим собою доминирующее, радикальное воплощение новизны.

По мнению Ханзен-Леве, формальная школа в своем развитии прошла три фазы, различающиеся между собой доминированием какой-либо «сильной» концепции, модели. В ходе реконструкции этих трех фаз автор опирается не на их временные характеристики, а на логику построения этих концепций. Так, концептуальное оформление формализма, его *первая* фаза развития, характеризуется доминированием так называемой «редукционистской» модели, отличающейся стремлением раннего формализма «редуцировать мир до сферы, покрываемой понятием «остранения».[6, с. 169]. *Вторая* фаза развития формализма характеризуется тем, что «центр тяжести перемещается с первичного представления конституирующих актов и вторично – конструктивных приемов на систематическую структуру произведения искусства, на его конкретные правила композиции, на систему приемов и функций» [6, с. 219]. Именно эта вторая стадия связана, по мнению Ханзен-Леве, с оформлением основного аналитического аппарата, пересматривающего категории традиционной науки о литературе. В основу этого аппарата кладется опять-таки принцип выведения слова из поля устоявшихся значений и превращения его в троп с целью развертывания в сюжет: «Типичным для этой стадии формализма является интерес ко всем формам распада единой, ясно опознаваемой нарративной перспективы, с которой возможно отождествлять читательские ожидания» [6, с. 204].

Третья фаза отличается тем, что ее доминантой является «прагматическая модель», предполагающая диалектическое соотношение художественных и

нехудожественных элементов в литературе и за ее пределами.

Если первая фаза формализма «теоретизировала» программу и практику символизма и футуризма, то вторая и в особенности третья сами инспирировали развитие критики «художественной практики» 1920-х годов.

Последняя фаза развития формализма делится в свою очередь на две подфазы, характеризующиеся различными отношениями к категории «генезиса» и «случайности». Литературная социология в духе Эйхенбаума, по мнению Ханзен-Леве, полагает случайные и закономерные элементы равноправными, поскольку для нее очевиден условный характер подобных дефиниций вне конкретного контекста.

Примечательно, что к третьей фазе Ханзен-Леве относит также «преодоление» формализма в концепциях М. Бахтина, А. Выготского.

Безусловно, вопросы эволюции формального метода в России рассматривались и другими авторами, такими, как Л. Штайнер, К. Поморская, Э. Томпсон, Ф. Джеймсон и другие. Как видно из ряда перечисленных авторов, русскому формализму, признанному во всем мире основоположником литературной теории, не очень повезло с преемниками и толкователями в родном отечестве, что объясняется политическими и идеологическими причинами.

В своем фундаментальном исследовании «Русский формализм» В. Эрлих высказал мысль о том, что эволюционный процесс формализма в России был прекращен именно по идеологическим соображениям: «В Советском Союзе развитие формализма было приостановлено, и поэтому он был лишен возможности преодолеть свои слабые стороны. Русский формализм замолк не потому, что его идеи изжили себя, но потому, что они были нежелательными» [3, с. 128]. Включившийся в борьбу с формализмом марксистский административный аппарат действовал своими методами.

Искажение текстов выступлений, опубликованных в прессе, внесло недоразумения в ряды формалистов, в дальнейший ход событий подключился административный аппарат г. Ленинграда, в результате чего в Ленинградском университете был упразднен литературный отдел, Эйхенбаум был отстранен от преподавания, позже и Тынянов прекратил преподавание в ЛГУ, Якобсон был вынужден эмигрировать. Удивительна, но все же понятна и метаморфоза, произошедшая со Шкловским. В своих последних работах, особенно в «Тетиве» (1970 г.) и «Энергии заблуждения» (1981 г.), он все чаще возвращается к разговору о заблуждениях молодой формальной школы, открывшей законы искусства, слепо не замечающей неразрывной связи искусства с жизнью.

Подводя итоги, мы можем с полной уверенностью сказать, что русский формализм продолжил свою жизнь в таких самостоятельных направлениях, как структурализм, семиотика, современный деконструктивизм, поскольку поставил перед литературоведением и эстетикой ряд масштабных проблем, требующих интеллектуального, философского осмысления. Прodelав недолгий во времени, но яркий и насыщенный по содержанию путь, формализм и сегодня представляется недостаточно исследованным явлением в мировой культуре.

Литература:

1. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый. – Прага, 1912.
2. Энгельгардт Б. Формальный метод в истории литературы. – Л.: АCADEMIA, 1927.
3. Эрлих В. Русский формализм. М., 1999.
4. Материалы диспута «Марксизм и формальный метод» // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 50.
5. Шкловский В. В защиту социологического метода. М., 1924.
6. Ханзен-Леве. Русский формализм. – СПб. – 2000.